

К 80-Й ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И 76-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

УДК 395.7
ББК 63.5

Шлю я вам свой фронтовой привет! Речевой этикет солдатских писем

Клара Евгеньевна Корепова

(Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37)

Аннотация. В статье на основе неопубликованных фронтовых писем и нескольких опубликованных сборников, содержащих около 500 текстов, рассматривается эпистолярный Великой Отечественной войны. Отмечается его неоднородность: существование в нем двух категорий писем в зависимости от социальной дифференциации адресантов и связей их с разными слоями национальной культуры. Основные различия при общей жанровой этикетности проявляются в степени использования готовых форм, стереотипности содержания и формы, а на речевом уровне — в степени формульности и клишированности. Различия касаются также круга используемых формул и характера их функционирования.

Для писем людей книжной культуры характерен лаконизм в использовании клише; владея всем набором коллективно выработанных этикетных формул, адресант распоряжается ими свободно, выбирает одну в зависимости от контекста или не пользуется ею совсем. В корреспонденции солдат коллективно выработанные этикетные формы в структуре письма занимают большее место. Расширение этикетной части происходит за счет приемов, характерных для коллективного творчества. Прозаический текст может дополняться эпистолярными стихами, распространенными в бытовой народной переписке.

Выявлению стилевого разнообразия может способствовать изучение фронтовых писем в контексте всей массовой эпистолярной традиции, поскольку многие эпистолярные формулы сложились еще до войны или существовали уже в начале века.

Ключевые слова: традиционная культура, военные письма, письма солдат Великой Отечественной войны, речевой этикет.

Дата поступления статьи: 26 января 2021 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

Для цитирования: Корепова К. Е. Шлю я вам свой фронтовой привет! Речевой этикет солдатских писем // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 11–23.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.001>

Задача статьи — показать неоднородность эпистолярия Великой Отечественной войны, рассмотреть в нем солдатские письма как особый вид, связанный корнями с традиционной культурой, и на материале, не привлекавшемся ранее к исследованию, подтвердить, скорректировать или дополнить уже высказанные в науке положения. В характеристике жанра письма и понимании его

как памятника культуры определенной эпохи решающую роль играет его речевое оформление, поэтому речевой этикет в центре нашего внимания.

Основным источником для исследования стало собрание фронтовых писем из фондов Фольклорно-этнографического музея г. Шахунья Нижегородской области (187 неопубликованных частных писем). Большая часть его — письма **солдатские**,

по своему довоенному статусу адресанты — **крестьяне**. Авторы писем окончили в лучшем случае сельскую школу-семилетку, чаще — начальную. Двое — люди со средним образованием (учитель и фельдшер), представители провинциальной интеллигенции. Собрание, таким образом, дает некоторую возможность при использовании дополнительного материала сопоставлять характер писем разных социальных групп воюющих.

В дополнение привлекались письма еще из трех региональных сборников, в которых тексты не испытали или испытали в малой степени отбор и редакторскую обработку [Кир.-Чеп. 2005; Тамб. 2005; Киров 2018], материал в целом достаточно репрезентативный (более 500 писем), использовалась также антология, где письма представлены без социальных, временных и территориальных ограничений [XX век 2016], в отдельных случаях привлекался материал из других публикаций [ХМАО 2005; Батырева 2012; Кравченко 2015; Нижегород. 2015].

Фронтовые письма давно исследуются представителями разных наук (см. обзор: [ХМАО 2005, 7; Иванов 2009, 5–10]). В филологическом аспекте письма активно изучаются лингвистами в свете теории коммуникации и рассматриваются с опорой на теорию речевых жанров М. М. Бахтина (обзор лингвистических работ см.: [Куварова 2011, 190; Старостин 2016]). В этом контексте исследуется и этикетность фронтовых писем. Комплексный подход с позиций филологии и культурной антропологии характерен для работ О. Р. Николаева, А. П. Минаевой [ХМАО 2005; Николаев 2012], Ж. В. Корминой [Кормина 2005]. К настоящему времени установлен круг эпистолярных клише, место их в структуре письма, приемы их использования, сделана попытка объяснить происхождение и функцию в тексте.

Но фронтовой эпистолярный рассматривается часто как некоторый целостный массив текстов без учета социальной дифференциации адресантов, принадлежности их к разным социальным группам, отличающимся по уровню образования, связям с разными слоями национальной культуры (традиционной крестьянской, «низовой» или профессиональной «высокой»). В результате выводы бывают иногда недостаточно корректны: то, что

присуще солдатским письмам, распространяется на всю эпистолярную культуру. Исключением в этом отношении являются работы культурно-антропологического плана. В работах лингвистических не всегда принимается во внимание связь солдатских писем с традиционной народной культурой, а потому переоценивается специфика коммуникации военного времени и недооценивается роль культурной традиции. Постараемся ниже обосновать высказанные положения.

С учетом социальной дифференциации авторов фронтовых писем, их образованности и культурного опыта во фронтовой корреспонденции выделяются две категории писем: есть письма людей, ориентированных на книжную культуру, владеющих ею (это в основном письма среднего и высшего офицерства, поэтому назовем их условно *офицерскими*), и есть письма солдат и младших офицеров, воспитанных на традиционной коллективной крестьянской культуре.

Основные различия этих категорий писем при общей их жанровой этикетности обнаруживаются в использовании готовых форм, степени стереотипности содержания и формы, а на речевом уровне — в степени формульности и клишированности. Различия касаются также круга используемых формул и характера их функционирования.

Поскольку в структуре письма этикетно нагруженными являются зачин и концовка [ХМАО 2005, 16; Старостин 2018, 171], где сосредоточены клише, порожденные коммуникативной природой письма (обращение к адресату, приветственные и прощальные формулы), анализ именно этих блоков ярко обнаруживает существенные различия в письмах солдатских и офицерских.

В письмах представителей книжной культуры из набора существующих в русской речи приветствий употребляется стилистически нейтральная формула *здравствуйте*, реже — *добрый день*, редко — книжная *приветствую*. Не используется *добрый день или вечер* и почти не употребляется в качестве начальной *привет с фронта*. При этом в разных письмах образованный адресант выбирает лишь одну. «Здравствуй Валя, Витя, Павлик!» — пишет обычно военный фельдшер А. Н. Алдущенко

[ШЭМ-ОФ-3653]¹. Летчик И. П. Грязных чаще всего в письмах обращается к жене: «Здравствуй, Поля!» [Киров 2018, № 18, 21–27, 30, 32], но иногда пишет: «Добрый день, Поля!» [Там же, 28, 29, 31, 33].

Приветственная формула в письмах образованных авторов может отсутствовать, и функция ее переносится на обращение, например, «*Маруся, милая! Вчера получил твое первое письмо*» (см., например: [Там же, № 36–42, 47]), в других письмах того же лица встречаются приветствия «*Добрый день*» или «*Здравствуйте!*» [Там же, № 45–51]. Иногда адресант начинает письмо сразу с изложения информации, как бы продолжая разговор, начатый в предыдущем письме: «*2 августа. Письмо получил. Прошло оно дней 14*» [XX век 2016, 140, № 35]. Подобное оформление начала письма привычно для переписки XIX в. [Прохоров 1964, 48], встречается в переписке участников Русско-японской войны. Морской офицер В. Егорьев, например, пишет отцу: «*23 мая <1904 г. >. Вчера утром в нашей неразнообразной впечатлениями жизни произошло событие...*» [XX век 2016, 46, 43].

По тем же принципам происходит выбор формулы в финальной части письма, формула может и отсутствовать [Куварица 2011], а конец текста тогда маркируется фразой со значением завершения («*все*», «*на этом заканчиваю*» и т.п.) (см., например: [XX век 2016, 66–69]). То есть, владея всем набором коллективно выработанных этикетных формул, характерных для жанра, образованный адресант распоряжается ими свободно, выбирая какую-либо в зависимости от контекста, отношений с адресатом и т.п., и, как правило, использует минимальное количество клише.

Обращение к адресату в личных офицерских письмах хотя и этикетно, но мало отличается от устного разговорного: обычно называется имя, принятое в общении, родственный статус (*жена/сестра/брат* и т.п.) и добавляется эмоциональное определение (*любимая, дорогая, родная* и т.п.), употребляемое и вне

эпистолярного общения. Если письмо предназначено нескольким лицам, часто используется обобщенное обращение: *дорогие, родные мои, дорогие родители*, — и в финале письма привет передается *всем знакомым, родным*. Таким образом, в письмах людей книжной культуры заметна тенденция к лаконизму в этикетной части, по возможности ее сокращение².

В корреспонденции солдат коллективно выработанные этикетные формы в структуре письма занимают большее место, иногда чуть не весь его объем. Таковы, например, в шахунской коллекции некоторые письма Н. Матвеева, среди писем кировчан письма П. М. Симонова [Кир.-Чеп. 2005, 42, 43]. Приветственная и прощальная части разрастаются в них и образуют относительно самостоятельные блоки с устойчивым содержанием и композицией. Солдатским письмам, таким образом, свойственна в приветственной части семантическая избыточность [Старостин 2018, 169].

Этикетная часть разрастается прежде всего за счет введения структурных элементов, отсутствующих в офицерских письмах. Так, инициальная часть может дополняться заглавием, дублирующим информацию, уже сообщенную на конверте или само собой разумеющуюся. Оно может указывать лишь жанр текста (*письмо*), например: «*Письмо. Добрый день или вечер, здравствуй, мой дорогой...*» [XX век 2016, 641], чаще содержит еще сведения об адресанте и адресате: «*Письмо от известного Вашего сына Мельникова Ивана Ерофеевича многоуважаемой и любимой мамаше Мельниковой Прасковье Максимовне*» [Тамб. 2005, № 444, 32, 40]; также см.: [XX век 2016, 642]. Формула может быть распространена упоминанием факта отправления письма («*Письмо пущено 1940 года 8 февраля. Письмо Б. Н. И.*» [Там же, 653]), что в офицерских письмах выражается кратко датой или еще указанием места нахождения адресанта: «*21 марта. Москва*» [Там же, 73].

Традиция давать письму заглавие в русской народной эпистолярной культуре давняя. Так, среди писем времен Первой

¹ Здесь и далее письма из фондов музея цитируются без редакторской правки, с сохранением орфографии и пунктуации источника. При указании инвентарного номера, в случае если внутри коллекции отсутствует нумерация писем, указывается их дата.

² Некоторые особенности использования этикета людьми книжной культуры отмечены в комментариях А. П. Минаевой и О. Р. Николаева к письмам П. Г. Асанова и М. С. Ситникова [ХМАО 2005, 131, 135].

мировой войны есть «*Письмо от известного вам вашего благодетеля Василия Кузьмича Поздняка — кузнеца, дорогому своему дяде Федору Андреевичу и дорогой тете Раизе Павловне*» [XX век 2016, 121, 119]. Заглавная формула встречается и в личных письмах тех лет вне круга военнослужащих [Кравченко 2015, 266]. Она присутствует позднее в письмах солдатам, проходящим службу в Красной армии и находящимся на Финской войне: «*Письмо от известной вашей супруги Колесниковой А. Н.*» [XX век 2016, 127, 130]. В Великую Отечественную войну формула-заглавие сохранялась как в письмах из тыла на фронт, так и с фронта, см., например: «*Пущено письмо от твоей жены Агафьи и от твоего сына Анатолия 27 марта 1943 года*» [Там же, 316] и «*Письмо от известного мужа Петра Леонтьевича*» [Тамб. 2005, № 40, 32, 223]. Пришло заглавие в личную переписку из деловой, где действительно в нем есть потребность, особенно в обозначении жанра документа.

Формула-заглавие, хотя и была устаревшей, оказалась способной включать новое содержание. Например, встречаются письма, в которых традиционное определение адресанта (*известный вам*) заменяется или дополняется его воинским званием: «*Письмо пущено 1.4.45 г. от Вашего знакомого старшины*» [Там же, № 491]. В формуле именная характеристика могла дополняться локальной: «*Письмо из Венгрии на далекую Родину дорогой маме и сестренке Поле*» [Там же, № 473], отразились в формуле и разновидности военной корреспонденции: «*Открытка от твоего мужа Коли*» [XX век 2016, 619].

Другой фактор, влияющий на расширение этикетной части, — употребление перед приветственной частью стихотворного вступления. Например: «*Сажусь за стол, беру карандаш в руки и пишу письмо от скуки. Лети, мое письмо, извивайся, никому в руки не давайся. Дайся тому, кто мил сердцу моему — дорогой моей любимой*

жене Просковье Фроловне» и т.д. [Кир.-Чеп. 2005, 43]³. Письмо может иметь стихотворную концовку: «*Писать больше не решусь, но на память распишусь*» [Нижег. 2015, № 306]; «*Целую Вас, а может быть, последний раз*» [Тамб. 2005, № 40; Нижег. 2015, № 259; XX век 2016, 647].

Традиция оформления письма стихотворными вставками идет из народной бытовой переписки довоенной поры. Как известно, в народной письменной культуре XX в. существовали эпистолярные стишки, предназначенные для этикетного оформления письма, обычно его обрамления, а потому соответственно в своем содержании они отражали начало коммуникации: «*сажусь за стол, беру карандаш в руки*» [Кир.-Чеп. 2005, 43]; «*пишу я первое словечко*» [XX век 2016, 642] или завершение ее: «*рука моя писать устала, я писать уж перестала*» [Нижег. 2015, № 155] и т.п. Стишки включали формулы приветствия и прощания: «*Добрый день, веселый час!*» [XX век 2016, 645]; «*Здравствуй, ягодиночка*» [Там же, 642]; «*Привет, любезный, посылаю и целую много раз*» [Там же, 647] и т.п. — и естественно вливались в общий этикет жанра, дополняя и дублируя прозаические этикетные формулы. Некоторые стишки инициировали действия адресатов, вовлекая их в общение: «*Что делаешь, Маня, сейчас? Брось думать и мечтать, начинай письмо читать*» [Тамб. 2005, № 454].

Есть стихи из одной фразы («*Жду ответа, как соловей лета*», вариант: «*Жду ответа, как птичка лета*» [Нижег. 2015, № 279]), другие, кроме коммуникативных этикетных фраз, включают еще признание в любви, клятвы в верности в стиле жестокого романа: «*Я вас люблю, / Любить и буду, / а нет — умру я от любви. / Когда луч солнечный зайдет, / Когда потреснет вся земля / И небо с треском разорвется, / Тогда забуду я тебя. / Привет любезный посылаю / И целую*

³ Вар.: [Кормина 2005, 347, 348]; <https://territory.syktsu.ru/nosovsa/>, последний — приписка к рукописи переписчика старопечатных книг, пример того, как стих функционирует в другой сфере. Типологические сходные приписки, фиксирующие момент начала процесса письма («*Стати писати, пера попытати...*») см.: [Волкова 2017]. Благодарим за указание Т. С. Каневу. В вариантах стиха меняется орудие письма (*карандаш — перо*), соответственно появляются новые реалии (*черниленка серебряна*), стих распространяется или сжимается, выдержан в стилистике традиционной фольклорной (*стол дубовый, стул кленовый; перо золотое* и т.п.) или характерной для массовой городской поэзии. Стих «*Лети письмом...*» бытует как самостоятельный финальный. О его семантике см.: [Кормина 2005, 245–246].

много раз...» [XX век 2016, 646–647]. Они использовались в любовных письмах молодежи, но в годы войны вышли за рамки девичьей субкультуры и встречаются, например, в письмах женщин мужьям, участникам Финской войны [Там же, 642, 645, 646, 652, 654, 655] и фронтовых письмах Великой Отечественной, иногда адаптированные к новой военной обстановке, например: «Жду ответа и Вас с победой, как соловей лета» [Нижег. 2015, № 155]. В солдатских письмах популярным был стишок с зачином: «Добрый день, веселый час...»⁴, как в солдатских, так и в женских письмах на фронт неоднократно встречается стих «Лети, письмо, взвивайся, / никому в руки не давайся. / Только дайся тому, / кто мил сердцу моему»⁵.

Эпистолярные стишки в письмах Великой Отечественной войны сравнительно редки, чаще цитируются или приводятся целиком песни и стихи поэтов о войне, при этом не только в солдатских, но и в офицерских, т.е. они составляли общий репертуар всех воюющих. Цитаты из данного круга текстов выполняли несколько иную функцию: они не были связаны с этикетным обрамлением письма, включались в основную информационную часть, в нужный контекст и устойчивого места в композиции письма не имели. Иногда тексты, переписанные адресантом на отдельный листок, были приложением к письму. В шахунском собрании, например, солдат Н. Матвеев в одном из писем [ШЭМ-ОФ-4157] посылал листок со своими стихами, написанными еще до фронта, они с военной тематикой не были связаны, но соответствовали настроению в момент написания письма («Воспоминание о прошлом», «Тоска»). В другом письме

[ШЭМ-ОФ-4169] он пишет: «Поля я по тебе очень, очень соскучился. Хотя бы услышать твой голос, милый и слова любимые твои», включая в свою речь цитату из фронтовой песни.

К текстовому увеличению этикетной части приводило и частое использование в солдатских письмах всякого рода повторов, что характерно для фольклорной стилистики. Коммуникативный акт приветствия и прощания выражается в солдатских письмах сразу несколькими формулами. Типичное начало письма, содержащее цепочку формул приветствия: «Привет с фронта! Добрый день или же вечер. Здравствуйте. Все родные. Первым долгом шлю я вам свой сердечный привет от души...» [Н. Матвеев, ШЭМ-ОФ-4175/7]. Удлинная цепочка, авторы письма в инициальном комплекте включают даже этикетные финальные формулы, придавая им значение приветствия: «Добрый день! Здравствуйте, моя милая семья. <...> Шлю привет. Крепко целую и жму ваши руки» [Киров 2018, № 62]. Как правило, в письмах многократно и прощание (пример трехкратного прощания см., например: [ХМАО 2005, 116]).

Повторяется в письмах акт передачи приветов (поклонов) и соответственно выражающие его формулы. Передача приветов присутствует в трех структурных частях письма: 1. Представляет начало письма и выражается обобщенной формулой (*привет с фронта*)⁶, не имеющей конкретного адресата, графически часто занимающей особое место — отдельную начальную строчку и близкую по роли к эпиграфу; 2. Передача приветов адресатам, завершающая приветственный комплекс, обычно

⁴ Вар. с разночтениями: «...пишу письмо, не вижу Вас» [XX век 2016, 706, 708, 711, 713]; «...и жду от Вас» [Тамб. 2005, № 645, 709]; «...пишет тот, кто знает вас» [ХМАО 2005, 86, 87, 89]; «...веселый час, желаю видеть вас» [Нижег. 2015, № 237]; «Добрый день или час! Что делаешь сейчас...» [Тамб. 2005, № 454]. Возможно, редуцированная форма его: «Добрый день, счастливая минута» [Нижег. 2015, № 257].

⁵ Вар.: [Кир.-Чеп. 2005, 43; Нижег. 2015, № 258, 278; XX век 2016, 652, 655] и др. Разночтения: «лети письмо — листок»; в некоторых есть указание на место назначения письма: «на Дальний Восток». На основе ключевого клише (*лети, письмо*) создавались новые эпистолярные стихи, см., например: «Летят письма к тебе сквозь дымные ветры, сквозь горы и пламя войны, в треугольных конвертах сердечные письма мои»; «Лети письмо — моя отрада, лети любящий мой привет, лети туда, куда мне надо — откуда буду ждать ответ» [Нижег. 2015, № 211].

⁶ Кличе *Привет с фронта!* печаталось на почтовых открытках, что могло быть источником этикетной формулы в письмах. Более вероятен обратный путь: для открыток формула была не придумана кем-то, а заимствована из писем, как уже бытующая. В шахунской коллекции самое раннее употребление ее в письме 3.12.42 [ШЭМ-НВФ-3661].

в сочетании с благопожеланием (*шлю я вам ... привет и желаю*) и 3. В финале письма передача приветов самим адресантом или через посредство адресатов (*привет / передайте привет...*) тем, кто не упомянут в приветствии. В нескольких частях письма может повторяться благопожелание.

Повтор может выражаться семантически близкими формулами, как в приветствии, или быть тавтологическим, что чаще встречается в финале, например: «*До свидания. До свидания. Целую*» [Нижег. 2015, № 178]. Повторяющееся слово может быть разделено другими («*До свидания целую всех заочно досвидания*» [ШЭМ-ОФ-4176/3; Нижег. 2015, № 103]), относиться к разным объектам или повторяться с некоторым изменением («*Затем досвидания целую до скорого свидания*» [ШЭМ-ОФ-4175/5]).

Часто повтор бывает связан с развертыванием формул и отдельных элементов в них. Так, в заглавной формуле иногда уточняется время отправления письма: «*Письмо отправлено 1/III 1944 г. в 7 часов вечера, среда*» [XX век 2016, 626]. В формуле *Привет с фронта* вводится уточняющее определение к слову *фронт*: *с западного, передового*. Формула *добрый день* имеет варианты с продолжением, содержащим уточнение времени (...*день, точнее вечер* [Кир.-Чеп. 2005, 29]) или альтернативу (...*день или вечер* — повсеместно). Альтернатива отражает прерывистость потока информации: отправляющий письмо не знает времени его получения и называет два возможных [Старостин 2018, 169]. Думается, так было при рождении формулы, но со временем первоначальное значение частично утрачено, альтернатива стерлась, противопоставление срослось и стало скорее формальным, неслучайно иногда пишущий старается как бы оживить первоначальное значение: «*Добрый день или вечер, когда вы получите мое письмо*» [XX век 2016, 623]. В солдатском письме *день или вечер* близко тавтологическому фольклорному *путь-дорога*. Оно стало средством украшения речи и выделения ее из обыденной разговорной. В эпистолярных стихах повтор в формуле может содержать характерное для фольклора

сужение: *добрый день, веселый час, добрый час, веселая минута*.

Наиболее продуктивным для распространения оказалось в формулах ключевое слово *привет* в сочетании с благопожеланием. Еще в довоенные годы слово *привет* вытеснило традиционное для формулы *поклон* (в письмах предвоенной поры см.: [Кир.-Чеп. 2005, 32]) в связи с исчезновением соответствующего жеста, но какое-то время, включая и военные годы, оба слова в формуле существовали⁷. В письмах солдат можно встретить: «*Передайте от меня низкий поклон бабушке Арине. <...> еще передайте привет всем родным*» [Тамб. 2005, № 44]; «*Шлю я вам свой супружеский привет. Еще кланяюсь деткам*» [Там же, № 47], встречается и гибридная разновидность, в которой при новом ключевом слове сохранилось старое определение: «*Передают тебе все родители и знакомые по низкому привету*» [XX век 2016, 316]; также см.: [ХМАО 2005, 21, табл. 2]. Гибридное клише, на наш взгляд, отражает не столько индивидуальное творчество человека, слабо владеющего книжной речью, сколько переходный этап в истории вербального стереотипа. В военные годы в клише *шлю ... привет* к эпитетам, определяющим отношение адресанта к адресату (*горячий, пламенный, сердечный, от чистого сердца, от души* и т.п.) добавились порожденные временем (*боевой, фронтовой* и т.п.) и несущие некоторую информацию о местонахождении воюющего (*дальневосточный, привет с западного, передового фронта*), о воинском статусе отправителя письма (*красноармейский, офицерский, курсантский* и т.п.), о принадлежности к определенному роду войск (*танкистский, артиллерийский, партизанский* и т.п.). Реже использовались определения, отражающие родственные отношения автора письма и его адресата, например: *сыновий привет, отцовский, мужний* (в письмах в этом значении *мужеский* [Тамб. 2005, 40], *мужицкий* [ХМАО 2005, 21]), *братский*, отношения межличностные: *товарищеский, дружеский*.

Определений к слову *привет* обычно употреблялось сразу несколько, выстраивалась цепочка из двух-пяти, по принципу

⁷ По данным источников, использованных в статье, устаревшая форма с ключевым словом *поклон* / *кланяюсь вам* употребляется чаще в солдатских письмах.

нанизывания, что тоже характерно для фольклора, с явной семантической или лексической избыточностью: «*пламенный, горячий, закаленный в ожесточенных боях*» [Нижег. 2015, № 54]; «*из далекой чужой страны с фронта Великой Отечественной войны боевой*» [Там же, № 59]; «*пламенный, от глубины всего сердца, боевой, фронтовой, красноармейский*» [Тамб. 2005, № 87] и т.п. Определения часто дублировали уже сказанное: «*свой сердечный фронтовой привет от чистого сердца*»; «*сердечный привет от души*» и т.п.

Цепочка определений создавалась также к финальному *целую / илю поцелуй*, иногда с заимствованием из семантического ряда, связанного со словом *привет* [Там же, № 40].

При разрывании формулы индивидуальное творчество адресанта-солдата проявлялось в подборе эпитетов в этикетную клишированную фразу, опять же из общего корпуса бытующих типовых клише. Иногда выбор осуществлялся за рамками типового набора определений, но, как правило, и в этом случае определение заимствовалось тоже из типовых стереотипов, но другого семантического ряда. Так появлялась, например, цепочка: «*сердечный привет с фронта борьбы с немецкими тварями*» [XX век 2016, 66] или в концовке: «*остаюсь ваш верный сын эпохи схваток и борьбы*» [Тамб. 2005, № 23]; «*остаюсь любящий вас до последней капли крови*» [Нижег. 2015, № 113]; «*Шлю я вам свой красноармейский привет от имени вашего сына Кузьмы А.*» [Там же, 236] (автор сам о себе).

Цепочку объектов содержит в солдатских письмах этикетное приветственное обращение. Как отмечено уже исследователями [Старостин 2018, 171], солдатские письма часто полиадресны. Даже если письмо фактически адресовано одному лицу, например жене, в нем перечисляются все члены семьи, иногда родственники, даже не проживающие вместе с адресатом. В отличие от офицерских писем, в солдатских редко встречаются обобщенные обращения.

Все, к кому обращается пишущий, называются поименно, с указанием родственного статуса каждого: «*Здравствуйте многоуважаемая моя мамаша, а также братья Ефрем, Яков, Панфил и сестра Катя*» [Д. Комаров, ШЭМ-НВФ-3657]; «*Уважаемая сестра Дуня здравствуйте а также зять Василий Федорович и ваша дочка Люся*» [В.Ф. Молодцов, ШЭМ-ОФ-3158]. По этикету вся родня должна перечисляться поименно и при передаче приветов. В одном из писем шахунского собрания отразился факт, значимый для понимания солдатского эпистолярного этикета. А. Овечкин, до войны работавший учителем военного дела (его письма занимают срединное положение между солдатскими и офицерскими), в письмах жене и сыну передавал привет родне иногда обобщенно («*передай всем по привету от меня*»; «*Здравствуйте <...> и все остальные родные и знакомые всем по привету от мен*» [ШЭМ-ОФ-4770, 14.09.41; 7.7.42]), тем самым нарушая этикет. Жена, испытывая, вероятно, некоторое неудобство при коллективной читке его писем (а письма с фронта обычно читались многократно в присутствии родных и близких⁸, в шахунской коллекции есть этому примеры, т.е. коллективность проявлялась и на уровне бытования писем), поправила мужа: «*когда пишешь мне то приветы посылай родным и имена указывай*» [ШЭМ-ОФ-4770, июль 1942 г.]. В отличие от него, она свое личное письмо мужу писала от лица всей родни: «*Здравствуй дорогой Андрюша. С приветом к тебе жена Клавдия, сын Юрий сестра Таля, Таня, Саня, сноха Лена и дети (ее. — К.К.) Валя и Юра*» [ШЭМ-ОФ-4770]. Как справедливо указывала Ж.В. Кормина, в народной культуре «*письма не воспринимались как интимные, личные*» [Кормина 2005, 242].

Многоадресность солдатского письма иногда объясняется исследователями, как и многое другое в военной переписке, спецификой коммуникации в условиях войны⁹ — невозможностью «в ситуации

⁸ Обращенность письма к коллективу людей, даже не упомянутых в тексте, иногда выражается вербально. Так, автор одного письма, сержант, приветствие родных продолжает обращением: «*Здравствуйте, все, кто читает или слушает это письмо!*» [Нижег. 2015, № 247].

⁹ Например, меньшую частотность формулы *привет с фронта* по сравнению с *здравствуйте и добрый день* объясняют «заботой о родных и близких — желанием уберечь их от волнения» [Старостин 2018, 169], хотя весь текст письма посвящен пребыванию на фронте.

войны писать каждому адресату отдельное письмо» [Старостин 2018, 171]. Но переписка воюющего человека, как образованного офицера, так и рядового солдата, не ограничивалась одним адресатом — самым близким человеком. Например, фельдшер Алдущенко переписывался с матерью, семьей сестры, с другой родней, с друзьями; солдат Н. Матвеев в одном из писем говорит: «...я писем всем писал. Маме, в Токово, в Беляево, в Максимово даже не поодному...» [ШЭМ-ОФ-4162]. Кроме того, полиадресность характерна лишь для солдатской переписки, хотя времени для писем не было на войне у всех.

Нам видится причина полиадресности в традиционном осознании солдатом, вчерашним крестьянином, себя не только индивидуально, но и членом «рода-племени», с определенным местом в нем. Это традиционное мироощущение поддерживалось крепкими семейными и родовыми связями, сохранявшимися в 1930–1940-е гг.

Обращение в солдатских письмах отличается характером именованного адресата. Близкого человека, в отличие от устной разговорной практики, называют в письме полным именем, с отчеством, с определением *многоуважаемый*, иногда так обращаются даже к ребенку: «Здравствуйте много уважаемые родные жена Клавдия и сын Юрий» или «Клавдия Гавриловна и Юрий Андреевич» [ШЭМ-ОФ-4770, А. Овечкин, 7.06.42] (заметим, многоуважаемому сыну Юрию Андреевичу исполнилось лишь 5 лет); «Здравствуй Анастасия Ивановна...» [ШЭМ, В.И. Мальцев, 11.08.43, жене]. За пределами этикетного приветствия адресаты называются в письме именами, употребляемыми в обычной жизни: многоуважаемая жена Клавдия Гавриловна станет *Клавой*, по-домашнему *Калей*, *Калечкой*, многоуважаемый сын Юрий Андреевич — *Юрой*, сыночком *Юрочкой*, жена Анастасия Ивановна — *Настасей*.

Данную форму обращения некоторые исследователи толкуют буквально и видят в ней выражение особого уважения

к близким, возникающего на войне, пишут, что, анализируя письма войны, «...можно проследить, как меняется отношение солдата к дорогим ему людям, оставшимся далеко в тылу» [Белоглазова 2013, 190], и приводят в доказательство пример, когда адресант в самом начале войны обращается к жене: «Здравствуй, дорогая *Дуся*», а через полгода называет ее «*Дорогая Евдокия Гавриловна*». Между тем пример говорит не о возросшем «почтении и уважении к близким», а о том, что солдат овладел речевым этикетом письма, принятым в солдатской среде, и стал им пользоваться. Приводится и другое объяснение: *многоуважаемый* в солдатских письмах — анахронизм в лексиконе авторов, «сформировавшихся в начале XX века» [Шкуринская 2016]. Данное утверждение противоречит фактам: определение употреблялось в солдатских письмах всеми адресантами, в том числе и теми, кто в начале XX в. только родился. Нам представляется, что форма с именем-отчеством и определением *многоуважаемый* — это перенесение в этикет солдатского письма готовой формулы из другой эпистолярной сферы¹⁰ — официальной переписки через посредство народного бытового письма, к сожалению, еще мало изученного¹¹. Формула встречается в частной переписке в годы Первой мировой войны: «Здравствуй, мой многоуважаемый товарищ Александр», — пишет подросток ровеснику [Кравченко 2015, 267]. Причина заимствования в данном случае в том, что авторы, в большинстве своем крестьяне, были воспитаны в основном на традиционной народной культуре, они не привыкли к письменному выражению своих мыслей, жанром письма свободно не владели и письменную речь, которая для них была «чужой», только осваивали. Отличие письменной речи от устной разговорной заметно им прежде всего на лексическом уровне. Потому, чтобы придать своей речи характер, соответствующий, по их мнению, письму, они прибегают к необычным для повседневной устной

¹⁰ О том, что форма с именем-отчеством воспринималась авторами-крестьянами как чужая, свидетельствует непоследовательное ее употребление: сочетание отчества с домашним неофициальным именем («Здравствуй, Ваня Лонгвинович!») [XX век 2016, 317]; «супруга Настя Романовна» [Нижег. 2015, № 178] и др.).

¹¹ О состоянии изученности крестьянской письменности, в том числе эпистолярной, см.: [ХМАО 2005, 15–16].

речи словам и выражениям: торжественному обращению, несколько вычурному *добрый день или вечер, известный вам*, канцеляризм (не *получил письмо*, а *уведомляю вас, что ваше письмо получил* и т.п.), заимствуя слова, фразеологизмы, цитаты из разного рода источников, круг которых еще предстоит выяснить. При этом заимствованные определения частично утрачивают свое прямое значение, поэтому оказывается возможным применение *многоуважаемый* к ребенку или самому себе: «*письмо от извеснова вами много уважаемого мужа Федора Васильевича*» [ХМАО 2005, 64]. Народный эпистолярный, в том числе и солдатские письма как своеобразный вид народной словесности, разделяет общую тенденцию в народной культуре XVIII — начала XX в., для которой заимствования из другой сферы обычны (ср. весь городской зрелищный фольклор, народную драму, лубочную сказку).

Менее разграничено в солдатских и офицерских письмах употребление медиальных формул, но некоторая дифференциация существует и здесь. Преимущественно солдатским письмам свойственны формулы, структурирующие текст основной части. Только в них начало основной части маркируется формулами *во первых строках моего письма и первым делом* («*первым делом шлю свой душевный привет*» [ШЭМ-ОФ-4175/6, Н. Матвеев]; «*Во первых строках своего письма кланяюсь всем...*» [ШЭМ-ОФ-4770, А. Овечкин, 14.09.41]), а начало финальной части выделяется наречием *затем* («*ждем ответа затем досвидания*» [ШЭМ-ОФ-4168]; также см.: [Тамб. 2005, № 233, 243; Нижег. 2015, № 168, 279] и др.). Если переход к новой мысли или теме в письмах авторов, ориентированных на книжную культуру, обозначается графическими средствами (красной строкой), в солдатских выражается обычно лексически. Эти формы выражения индивидуальны, но устойчиво повторяемые в практике одного адресанта, они приобретают, как замечено О.Р. Николаевым [ХМАО 2005, 91], значение «общего места» в индивидуальном эпистолярном этикете. Так, в письмах Н. Матвеева в данной функции постоянно используется наречие *теперь*: «*Теперь сообщаем / с большой радостью сообщаем / спешу сообщить...*» [ШЭМ-ОФ-4175/5; 4176/1–3] и др.; также: [Кир.-Чеп. 2005, 19]. Встречаются письма,

где каждую новую мысль автор-солдат начинает с обращения — таково, например, письмо А. Крылова [Тамб. 2005, № 40], которое в результате содержит 14 обращений «мама», помимо тех, что находятся внутри фразы (см. подобное: [Там же, № 444]).

Менее вариативна в использовании группа формул, оформляющих важные содержательные элементы в основной части, те, что «фиксируют общие переживания и обычные случаи военной жизни» [ХМАО 2005, 17]. Она сравнительно немногочисленна: при отмечаемой всеми однотипности содержания, сводящейся к повторяемости в письмах нескольких тем, словесное оформление их индивидуально и импровизационно.

Этикетно оформляется обычно сообщение о состоянии переписки, как правило, открывающее основную часть. Эта устойчивая в письмах ситуация имеет три составляющие: сообщение о получении письма, благодарность за него и краткий пересказ полученной в письме информации, что служит завязкой для последующего обсуждения, советов, наставлений и т.п. Все три компонента могут быть выражены одной формулой, например: «*Сообщаю вам что я ваше письмо получил, <...> за что сердечно благодарю. Из письма я узнал...*» [ШЭМ-ОФ-4770, Н. Овечкин, без даты]. Или каждая составляющая может быть развернута, что свойственно преимущественно солдатским письмам: приводится датировка отправления и получения письма, подсчет дней нахождения письма в пути, объяснение задержки и т.п., конкретизируется благодарность.

Данная ситуация присуща письмам всех воюющих, независимо от степени их образованности и социального положения. Она обусловлена важнейшим значением переписки в жизни фронтовиков. Кроме того, в условиях коммуникации, разорванной временем, упоминание о получении письма с указанием даты его написания является средством преодоления этого разрыва: напоминая о содержании письма, отвечающий как бы включался в живой диалог.

В солдатских письмах в данной этикетной ситуации нашла также отражение существующая в народной культуре тенденция к некоторому обрядовому ведению переписки. Письмо всегда диалогично, оно обращено кому-то, но образованный адресант пишет письмо не только в ответ, но

и когда испытывает потребность в общении или появляются условия («вспомнил тебя, и вот решил написать»; «выдалась свободная минута, и пишу»). В народной среде предпочитается упорядоченность в переписке: по народным представлениям каждое письмо, разумеется, кроме первого, должно быть ответом на полученное. Этим порождена формула *жду ответа*, частая в солдатских письмах, и народные эпистолярные стишки (*жду ответа как соловей лета* и т.п.).

В одном из писем шахунского собрания есть интересный факт, отражающий столкновение двух отношений к переписке. Бывший учитель пишет девушке, воспитанной в народных традициях: «*Валя! <...> Ты, оказываешься, придержишься правила отвечать только на мои письма. Пиши чаще*» [ШЭМ-НВФ-3661]. Он же обращается к написанию письма в момент, когда вспоминает любимую.

Содержание основной части солдатского письма сводится к разговору о доме, об отношениях автора письма и адресата. Этот разговор конкретен, индивидуален. Клишированные выражения здесь фактически не используются. Они применяются только в нескольких случаях: когда заходит разговор о военных действиях и когда адресант говорит о своем состоянии. Стереотипно оформляется также просьба не беспокоиться о воюющем, сообщение о переводе денег.

О военных действиях в соответствии с законами цензуры, как правило, в письмах не сообщается. Но нереализованное желание рассказать об этом выливается иногда в письмах солдат в формулу *хотелось бы (можно бы), но нельзя*. «*Писать можно очень много но Каля поверь что некоторые и нельзя описывать*», — пишет А. Овечкин [ШЭМ-ОФ-4770, 7.07.41]; о том же в письме от 31.08.41. В письмах адресанта-интеллигента о цензурных препятствиях говорится реже и в несколько ином оформлении, часто намеком, например: «*Вот, пожалуй,*

и все. <...> А что еще можно написать, я себе не представляю, ибо если можно написать, то необходимо выйти из рамок возможного» [XX век 2016, 88], и далее в завуалированной форме автор сообщает, что находится «за рамками возможного». Малая информативность о военных делах обуславливалась и законами жанра: главной функцией письма была коммуникативная, а не информативная.

В письмах многих адресантов, чаще солдат, данная ситуация разрешается обещанием рассказать обо всем позднее и выражается формулой *приеду — расскажу*. «*Писать > нельзя приеду расскажу*», — говорит жене в письме А. Овечкин [ШЭМ-ОФ-4770, 31.08.41] и в письме от 19.12.41: «*Много описывать нельзя приеду домой расскажу*» [Там же], так и в письме от 3.07.42; в письме Н. Матвеева: «*Жив буду домой приеду все расскажу как было*» [ШЭМ-ОФ-4163] и в другом: «*После войны всё расскажу как мы воевали*» [Там же]¹². К сожалению, рассказать о виденном и пережитом этим адресантам не пришлось: с войны они не вернулись.

О своем состоянии в письмах обычно сообщается формулой *жив, здоров* или *пока жив, здоров*, иногда с добавлением благопожелания *того и вам желаю*. Формула устойчивого положения в структуре письма не имеет¹³. Клише встречается в частных письмах начала XX в. [Кравченко 2015, 266, 267], использовалось и в письмах вне военной темы. Наречие *пока* в нем имело значение в *настоящий момент*, и семантика временности благополучия в формуле была приглушена. В годы войны она стала в формуле ключевой. Именно наречие *пока* разрасталось и пояснялось, связываясь с ожидаемыми негативными переменами. Формула получила клишированное дополнение: *что дальше будет, не знаю* со стилистическими вариациями: «*Живу покуда хорошо но что дальше будет не знаю*» [ШЭМ-ОФ-4175/5,6; Н. Матвеев,

¹² Возможно, в данной формуле подразумеваются те впечатления, которые при непосредственном наблюдении разошлись с ожидаемыми, сформированными официальным освещением событий.

¹³ Свободное положение формул в главной части, правда иных (просьбы, советы, поздравления и т.п.), опять же объясняется иногда условиями коммуникации: «фронтовикам важно было успеть зафиксировать свои мысли, на их композиционное расположение свободного времени, как правило, не оставалось» [Старостин 2008, 171], но при тех же условиях строгую композиционную закреплённость имеют формулы в приветствии и прощании, поэтому аргумент неубедителен.

4162]; «Ише придется сходить на фронт Дальше не знай что будет» [ШЭМ-ОФ-4770, А. Овечкин, 19.12.41]. Ощущение зыбкости человеческой жизни на войне, присутствия рядом смерти выразилось в употреблении еще одной формулы сходной семантики — *если буду/останусь жив*. Она используется в разговоре о будущем: «мы сами должны увидатся в скором времени ежели останемся невредимы» [Н. Матвеев, ШЭМ-ОФ-4175/5]; «возможно Поля приеду жать а не косить, ежели буду жив» [Там же, 21.06.43]; «послал деньги 500 рублей, <...> ишо пошло если буду жив» [ШЭМ-ОФ-4770, А. Овечкин, 31.08.41]. Смысловые формулы

основной части общие для всего военного эпистолярия.

Деление эпистолярия Великой Отечественной войны на две категории писем, обусловленное социальной дифференциацией адресантов, ориентацией их на разные слои национальной культуры, отчасти условно. Социальная структура воюющих была значительно сложнее, более дробными были их культурные связи. Стилевое разнообразие фронтовых писем может быть выявлено при изучении их в контексте всей массовой эпистолярной традиции, поскольку, как показало обращение к источникам начала XX в. и предвоенным, многие эпистолярные формулы сложились еще до войны или существовали уже в начале века.

Источники и материалы

Волкова 2017 — Волкова Т.Ф. Записи печерских крестьян на рукописях старопечатных книг, найденных в Усть-Цилемском районе Республики Коми // Слово и текст в контексте культуры. Вып. 2. Культурные центры Республики Коми. Сыктывкар: СыктГУ, 2017. С. 210–211.

Кир.-Чеп. 2005 — Фронтовые письма — потомкам: Тематический сб. / Сост. Г.М. Кузнецова, Г.А. Федоровых, В. Шагунова. Кирово-Чепецк: МУ культуры «Кирово-Чепецкая ГЦБС», 2005.

Киров 2018 — Письма с войны: Сб. документов из фондов КОГБУ «ГАСПУ КО» / Сост. В.С. Жаравин, Л.Г. Попцова, П.А. Чемоданов; Под ред. Е.Н. Чудиновских. Киров: ВЕСИ, 2018.

Нижг. 2015 — «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): Сб. документов / Сост. Е.Э. Ешан, А.П. Пудалова. Н. Новгород: Центр. архив Нижегород. обл., 2015.

Тамб. 2005 — Письма Великой Отечественной (из фонда ГУ «ЦДНИТО»): Сб. документов / Сост. М.М. Дорошина, В.Л. Дьячков; Под ред. В.Л. Дьяčkова. Тамбов: Пролетарский светоч, 2005.

ХМАО 2005 — Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно... Фронтовые письма 1941–1945 годов / Департамент культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа; Сост., ст. и коммент. А.П. Минаевой, О.Р. Николаева. М.: Новое изд-во, 2005.

ШЭМ-ОФ — Фонды Шахунского фольклорно-этнографического музея. Г. Шахунья, Нижегородская обл.

XX век 2016 — XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. ст., ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подгот. док-в. М.: Новое лит. обозрение, 2016.

Исследования

Батырева 2012 — Батырева Л.П. Речевой портрет провинциала (на материале частной

переписки 1941–1943 гг. шуйского крестьянина Н.Г. Ковалькова). Шуя: ШГПУ, 2012. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Белоглазова 2013 — Белоглазова Г.Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 188–191.

Булыгина 2005 — Булыгина М.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 530–541.

Иванов 2009 — Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

Иванов 2010 — Иванов А.Ю. Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4–5 (60). С. 78–81.

Кормина 2005 — Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое лит. обозрение, 2005.

Кравченко 2015 — Кравченко Е.В. Письма детей-беженцев Первой мировой войны как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: Матер. науч.-практ. конф. (Витебский гос. ун-т, 8–9 октября 2015 г.). Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. С. 265–268.

Куварова 2011 — Куварова Е.К. Заключительные этикетные формулы в письме как речевом произведении // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 4. Ч. 2. С. 289–295.

Николаев 2012 — Николаев О.Р. Традиционные формулы крестьянской культуры на сломе эпох: «похоронили хорошо» (к вопросу о фото-

графиях похорон) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2 (36). С. 358–370.

Прохоров 1964 — Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов. М.: Наука, 1964. С. 6–72.

Старостин 2016 — Старостин К. А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 165–177.

Старостин 2018 — Старостин К. А. Этикетные речевые знаки в письмах с фронта //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 1. С. 168–172.

Сухотерина 2014 — Сухотерина Т. П. Фронтное письмо как жанр естественной письменной речи // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4. С. 249–251.

Шкуринская 2016 — Шкуринская Е. В. Солдатские письма с фронтов Великой Отечественной войны: поэтика, композиция // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 1312–1316.

© К. Е. Корепова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корепова К. Е. <https://orcid.org/0000-0002-1837-3353>

Доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: korvic@list.ru

I Send You My Front-Line Greetings! The Speech Etiquette of Soldiers' Letters

Klara E. Korepova

(Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod:

37, Bolshaya Pokrovskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation)

Summary. *This article examines the epistolary heritage of the Great Patriotic War based on unpublished front-line letters and several published collections of them, in all about 500 texts. The letters are heterogeneous and may be divided into two categories, depending on the social status of the writers and their connections to different strata of national culture. The main differences in etiquette are manifested in the quantity of ready-made forms; stereotyped content; and at the speech level — in their degree of formality and use of clichés. The differences also relate to the range of formulas used and the way they function. In the letters by people of book culture, laconism in the use of clichés is characteristic; these writers are able to make use of the entire range of collectively developed etiquette formula and to dispose of them freely, depending on the context. In the correspondence of soldiers, collectively developed forms of etiquette occupy a larger place. Increased use of these forms is due to techniques characteristic of collective creativity. The prose text may be supplemented with epistolary verses common in everyday folk correspondence. Identifying stylistic diversity can aid the study of front-line letters in the context of the entire epistolary tradition insofar as many epistolary formulas were formed before the war or existed at the beginning of the century.*

Key words: *traditional culture, military letters, letters of soldiers in the Great Patriotic War, speech etiquette.*

Received: January 26, 2021.

Date of publication: June 25, 2021.

For citation: Korepova K. E. I Send You My Front-Line Greetings! The Speech Etiquette of Soldiers' Letters. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 11–23. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.001>

References

Batyreva L. P. (2012) Rechevoi portret provintsiala (na materiale chastnoi perepiski 1941–1943 gg. shuiskogo krest'yanina N. G. Koval'kova) [Speech Portrait of a Provincial (Based on the Private Correspondence of the Shuia

Peasant N. G. Kovalkov in 1941–1943)]. Shuya: ShGPU. (CD-ROM). In Russian.

Beloglazova G. N. (2013) Pis'ma s fronta kak istoricheskii istochnik vremen Velikoi Otechestvennoi voiny [Letters from the Front-Line as a Historical Source of the Great Patriotic War Peri-

od]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. 2013. No. 2 (39). Pp. 188–191. In Russian.

Bulygina M. A. (2005) Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Letters from the Front-Line as a Source of the History of Everyday Life During the Great Patriotic War]. In: *Velikaya Otechestvennaya voina v dokumentakh i issledovaniyakh* [Great Patriotic War in Documents and Research]. Stavropol: Izdatel'stvo SGU. Pp. 530–541. In Russian.

Ivanov A. Yu. (2009) Frontovye pis'ma uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny kak istoricheskii istochnik [Front-Line Letters of Participants of the Great Patriotic War as a Historical Source]. PhD dis. abstract. Kazan. In Russian.

Ivanov A. Yu. (2010) Frontovye pis'ma rossiiskikh uchastnikov Pervoi mirovoi voiny v kul'turnoi kommunikatsii [Front-Line Letters of Russian Participants of the First World War in Cultural Communication]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2008. No. 4–5 (60). Pp. 78–81. In Russian.

Kormina Zh. V. (2005) Provody v armiyu v poreformennoi Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza [Send-Offs to the Army in Post-Reform Russia: An Attempt at Ethnographic Analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. In Russian.

Kravchenko E. V. (2015) Pis'ma detei-bezhenstsev Pervoi mirovoi voiny kak istoricheskii istochnik [Letters of Children-Refugees of the First World War as a Historical Source]. In: *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya* [Actual Problems of Source Studies]: Proc. of Schol. and Pract. Conf. (Vitebsk State University, October 8–9, 2015). Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova. Pp. 265–268. In Russian.

Kuvarova E. K. (2011) Zaklyuchitel'nye etiketnye formuly v pis'me kak rechevom proizvedenii [Final Etiquette Formulas in Letters as a Speech Work]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.*

Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii [Scientific Notes of the Vernadskii Tauride National University. Ser. Philology. Social Communication]. 2011. Vol. 24 (63). No. 4. Part 2. Pp. 289–295. In Russian.

Nikolaev O. R. (2012) Traditsionnye formuly krest'yanskoj kul'tury na slome epokh: "pokhoronili khorosho" (k voprosu o fotografiyakh pokhoron) [Traditional Formulas of Peasant Culture at the Break of Epochs: "Buried Well" (The Issue of Funeral Photos)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2012. No. 2 (36). Pp. 358–370. In Russian.

Prokhorov E. I. (1964) Izdanie epistol'yarnogo naslediya [Publication of the Epistolary Heritage]. In: *Printsipy izdaniya epistol'yarnykh tekstov* [Principles of Publishing of Epistolary Texts]. Moscow: Nauka. Pp. 6–72. In Russian.

Starostin K. A. (2016) Pis'ma frontovikov kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Letters of Front-Line Soldiers as an Object of Linguistic Research]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [The Ecology of Language and Communicative Practice]. 2016. No. 2. Pp. 165–177. In Russian.

Starostin K. A. (2018) Etiketnye rechevye znaki v pis'makh s fronta [Etiquette Speech Signs in Letters from the Front]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Issues of Theory and Practice]. 2018. No. 7 (85). Part. 1. Pp. 168–172. In Russian.

Sukhoterina T. P. (2014) Frontovoe pis'mo kak zhanr estestvennoi pis'mennoi rechi [Front-Line Writing as a Genre of Natural Written Speech]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. 2014. No. 4. Pp. 249–251. In Russian.

Shkurinskaya E. V. (2016) Soldatskie pis'ma s frontov Velikoi Otechestvennoi voiny: poetika, kompozitsiya [Soldier's Letters from the Front in the Great Patriotic War: Poetics, Composition]. *Molodoi uchenyi* [Young Scholar]. 2016. No. 9 (113). Pp. 1312–1316. In Russian.

© K. E. Korepova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Klara E. Korepova <https://orcid.org/0000-0002-1837-3353>

E-mail: korvic@list.ru

Tel.: +7 (831) 433-82-4

37, Bolshaya Pokrovskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)